

В новом романе Ольги Кучкиной «В башне из лобной кости» главное действующее лицо — знаменитый, по словам автора, художник-фронтмен Василий Скозюков. Однако это, что называется, крошечка с клочком. За биографией главного героя угадывается совершенно шокирующее авторское расследование истории жизни выдающегося русского писателя Владимира Богомолова, чей «Момент истины» стал классикой.

Все есть в «Башне»: таинственный герой, угрозы и опасности, экзистенциально-детективный сюжет. Писатель позволяет себе странный поступок — почти что проступок: бросает «детективный» пласт, развивающийся в параллель с другим пластом, «жизненным», — в пользу последнего. Слово говоря: неважно, что это было, важно совсем другое, и вас, читатель, обогатило то, что вы прошли путь, а вовсе не ответ на вопрос «кто убил». Редко когда такое случается. Здесь сошлось.

Ольга Андреевна Кучкина

В башне из лобной кости

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=320802
В башне из лобной кости: Время; Москва; 2010
ISBN 978-5-9691-0992-6

Аннотация

Острые повороты детектива и откровенность дневника, документ и фантазия, реальность и ирреальность, выразительный язык повествователя – составляющие нового романа Ольги Кучкиной, героиня которого страстно пытается разобраться в том, в чем разобраться нельзя. [i]«За биографией главного героя угадывается совершенно шокирующее авторское расследование истории жизни выдающегося русского писателя Владимира Богомолова. Когда-то Ольга Кучкина писала об этом мужественном человеке, участнике войны, чья книга “В августе сорок четвертого” стала откровением для многих читателей. Роман до сих пор является бестселлером, и, говорят, любим на самом верху кремлевской башни» [b][i](Игорь Шевелев).[i]/[b]/[i]

Содержание

Роман с ключом	4
В башне из лобной кости	11
От автора	11
1	12
2	13
3	20
4	24
5	25
6	28
7	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Ольга Кучкина

В башне из лобной кости

Всем героям этого романа посвящается

*Автор и издательство выражают
благодарность Татьяне Назаренко, любезно
предоставившей свою картину для оформления
этой книги*

Роман с ключом

В новом романе Ольги Кучкиной «В башне из лобной кости» главное действующее лицо – знаменитый, по словам автора, художник-фронтовик Василий Окоемов.

Однако это, что называется, «роман с ключом».

За биографией главного героя угадывается совершенно шокирующее авторское расследование истории жизни выдающегося русского писателя Владимира Богомолова (1926–2003). Когда-то Ольга Кучкина писала об этом мужественном человеке, участнике войны, чья книга «В августе сорок четвертого» стала откровением для многих читателей. Роман до сих пор является бестселлером, и, говорят, любим на самом верху кремлевской башни.

При жизни Владимир Богомолов, прочитав запись бесед

с Ольгой Кучкиной, не разрешил их печатать. Он вообще с трудом шел на контакты с журналистами, запрещал себя фотографировать, неоднократно судился за «оскорбление чести и достоинства». После его смерти Кучкина посчитала возможным и даже необходимым опубликовать запись, где ничего, кроме скрупулезной передачи слов классика о своей жизни, не было.

И вдруг в ответ на публикацию в газету «Комсомольская правда» написали знавшие Богомолова люди, утверждая, что он вовсе не тот, за кого себя выдавал. И не воевал, и фамилия другая, и родился на два года раньше, и родители совершенно не те, что по его легенде, и даже, похоже, как-то был связан с «органами». То есть – человек, тщательно выдававший себя за того, кем не был. Свой среди чужих. Шпион, сам себя таким вообразивший и сделавший. И при этом – автор прекрасных книг золотого фонда русской литературы.

В советское время, если кто помнит, были такие фильмы и романы о шпионах, всю жизнь таившихся, выдавая себя за других. Но чтобы подобным «шпионом», «чужим среди своих», оказался знаменитейший советский писатель – это никакому детективщику и в голову прийти не могло!

Опубликованные недавно дневники Владимира Богомолова, где описывается работа над главной книгой – «Момент истины» («В августе 44-го»), читаются в этом свете совершенно иначе, чем раньше. Многие встают на свои места во взбудораженном сознании ценителя его творчества.

Статья Ольги Кучкиной, в которой были приведены письма от близко знавших Богомолова-Богомольца-Войтинского людей, вызвала бурю. В редакции пошли подписанные ветеранами письма протеста в стиле – «Руки прочь!» и «Долой изготовителей дешевых фальшивок!» Сдается, «народный гнев» был хорошо скоординирован.

Надо сказать, хрупкому автору расследования, которое ныне обрело художественную форму романа, не впервой противостоять толпе, вооруженной «общим мнением». Ольге Кучкиной с трудом, но удалось получить ответы из различных архивов, из которых следовало, что документов, связанных с пребыванием Богомолова-Богомольца-Войтинского на фронте, нет. Получалось, что вся его официальная биография выдумана. За кулисами угадывалась тень высоких покровителей, которым была выгодна принятая легенда о классике, что никогда не входил ни в какие писательские союзы, отказывался от всех наград и премий. Это, конечно же, – позиция, и она заслуживает уважения. Но ведь при вступлении и награждении опять же полезут в документы, в подлинную биографию...

Заметим при этом, что журналистка ни в коем случае не обличала писателя, а лишь пыталась узнать правду.

«Это наш человек», – отозвался о герое расследования Ольги Кучкиной сотрудник ФСБ. И дал добрый совет: держаться подальше от этой истории, не вникать в лишнее. «Все, кто ему не нравился, замолкали навек», – вторит со-

труднику вдова. Вот и режиссер фильма по книге писателя, этот фильм «зарубившего», неожиданно гибнет под колесами случайного КамАЗа...

Теперь эта невероятная, непонятная, противоречивая история, случайным свидетелем и участником которой стала Ольга Кучкина, превращена ею в полноценное художественное произведение.

Такого произведения не случилось бы без более общей темы, которую автор определяет как «перекидывание» человека. Когда люди оборачиваются вдруг вовсе не теми, кем мы их считали до сего дня. Для России XX века это более чем обыкновенная история. Интеллигенты-инженеры оказываются «вредителями». Участники революции – «врагами народа». Идол поклонения, «отец народов» – преступником. Отъявленный палач «органов» – то ли тайным отцом перестройки, то ли английским шпионом.

Эта история продолжается на наших глазах. Люди «перекидываются» так, что не узнать. Не упоминая тех, кто из грязи вознесся в князи, сделавшись на вершинах власти обладателями несусветных богатств, глянем на близких друзей, вроде бы всегда разделявших твои взгляды на жизнь. И вдруг – «перекидываются».

«Всегда ли так было? Или что-то нарушилось в мировом порядке, в ходе вещей, что стали появляться люди-перекидчики? Или это исключительная прерогатива нашего родимого болота? – задает автор вопросы себе и нам. – И нынеш-

ние эксперты в науке, в экономике, в политике могут оказаться теми же перекидчиками, а то, о чем с солидностью рассуждают, – параноидальным бредом, навязываемым нам, простодушным». Ответа нет. «Люди перекидываются, и времена перекидываются, суть едва ли меняется».

В результате перед нами «подвиг разведчика» – навыворот. Можно говорить об этом с сарказмом. Но автору не до смеха. То ощущение пресса, под который угодила журналистка, передано и в ее прозе.

Точка в романе была поставлена 17 февраля 2007 года. А ровно через десять дней у нее сгорела дача, отчий дом, доставшийся от родителей. «Сдвинутая реальность» как художественный принцип, заявленный в романе, и реальность как реальность странным образом смыкаются. Плата, которую писатель платит за написанное, реально оказывается высока.

Этот пожар Кучкина оставляет за пределами книги. Не в последнюю очередь, возможно, потому, что один пожар в книге уже сочинен: после смерти героя сгорает его мастерская. Там находились его архивы, та потаенная работа, над которой он трудился много лет, почти никому не показывая.

Если и тут соотнести художественный вымысел с творчеством прототипа, то следует предположить, что имеется в виду последний неопубликованный роман Богомолова. По отрывкам, появлявшимся в разных изданиях, можно судить, что он был посвящен последним дням войны, взятию Бер-

лина и насилию, которое творили освободители над населением...

Но здесь мы вступаем на зыбкую почву предположений и оставляем эту тему еще и по той причине, что на самом деле никакие гипотезы, соображения и суждения не могут дать однозначного ответа относительно прототипа романа. Что придает – вот парадокс искусства! – полноту и неисчерпаемость самому произведению.

Нет, герой его – не Владимир Богомолов, о котором Ольга Кучкина пишет специальную статью «"Момент истины" Владимира Богомолова», опубликованную в первом номере журнала «Нева» за 2006 год (<http://magazines.russ.ru/neva/2006/1/ku19.html>), где и излагает основные вехи этой истории.

Герой романа «В башне из лобной кости» – все-таки «знаменитый художник-фронтовик Василий Окоемов», человек, лишь похожий на того, о ком мы говорили, но понять не смогли. Какой-то проект «автобиографии вымышленного героя», а не человек, живший рядом с нами. Загадка, тайна и, в общем, – невероятно благодарная фигура для художественного повествования.

Писатель Ольга Кучкина в полной мере воспользовалась возможностью, предоставленной ей как журналисту. Теперь перед нами полноценная романная проза, воздействие которой на читателя вполне сравнимо с тем самым, главным произведением угаданного прототипа.

Все есть в этой книге: таинственный герой, слежка за автором, угрозы и опасности, экзистенциально-детективный сюжет, который невозможно разгадать и понять – в принципе. Писатель позволяет себе странный поступок – почти что проступок. Бросает «детективный» пласт, развивавшийся в параллель с другим пластом, «жизненным», в пользу последнего. Как будто говоря нам: неважно, что это было, потому что важно совсем другое, и то, что вы, читатель, прошли со мной весь путь, – именно это вас обогатило, а не ответ на вопрос «кто убил». Редко когда такое сходится. Здесь сошлось. Поздравим автора с невероятным успехом.

Настоящее признание момента ее истины еще впереди.

Игорь Шевелев

В башне из лобной кости

От автора

Все происходило.

Все происходило нигде.

Все происходило в башне из лобной кости.

Мои фантомы. Мои фантомные боли.

Как происходит у всех у вас с вашими фантомными болями.

1

Позвонил Толя с дачи:

– Милка уходит.

Оранжевая глазунья из одного яйца поджаривалась на неохватной сковородке. Белок размазало волокнами. Желток сиял. Пейзаж предвещал погоду на завтра. Все от всех уходят. Хорошо говорить, когда от тебя ушли давно, годы тому. Тогда твой опыт сродни философскому. Что, в свою очередь, сродни бессильному. Ничего не поделать. Пройденный материал был и быльем порос, и пеплом присыпан. А когда живьем лезешь на стенку и бьешь в нее кулаком, чтобы перебить то, что нельзя перебить, с силой, от которой кости в пясти дробятся, тогда все слова – посторонние, ноль, пустое место и ничего, кроме глухой тоски и злости, не вызывают, мне-то известно.

Надо ехать.

Чужие дела лезли и путались под ногами, отменяя собственные и притворяясь ими.

Стояла осень.

2

Он был дома один, когда я к нему пришла. У лифта висели две таблички. На одной: *Товарищи! Соблюдайте правила пользования лифтом!* На второй: *Господа! Лифт работает только до 4-го этажа.* Визиту предшествовал телефонный звонок с просьбой сняться в моей телевизионной программе. Кодовое имя программы: соль земли. В телевизоре она звалась по-другому. Но клиентам, которых я хотела затянуть в свои паучьи сети, говорила прямо: я снимаю тех, про кого можно сказать – соль земли. Иногда еще прямее: вы – соль земли. Молчали или хмыкали – никто не отказывался. Мои паучьи сети были любовные. Я обожала их, моих клиентов, которые сплошь были или делались моими друзьями. Исключение составили два-три на сотню. Я про них забыла. Отказался он один. Он выслушал и сказал: сниматься не буду, а вас приглашаю в гости. Я приняла приглашение с расчетом, что уговорю во время гостей. Аж ладони чесались, так хотелось заполучить его, кого никому не удалось заполучить, а мне удалось. Так я предполагала. Враги правы, приписывая мне тщеславие, запрятанное еще глубже честолюбия.

Я позвонила в дверь, дверь распахнулась едва ли не за секунду до того, будто он стоял за ней и его накрыло биофизической волной, предвестником появления чужого. Я про-

тянула руку, он пожал ее горячей своей, заметив: женщины редко так здороваются, еще реже у них твердое рукопожатие. Я знала. Теперь знал он. Он был неожиданно и непривычно белокур. Постаревший ангел. Светлые кольца волос оформляли верх продолговатого лица, низ очерчен бородой цвета спелых слив; холодные глаза дамасской стали под слегка нависшими веками таили усталость от понимания жизни и в то же время наблюдали посетителя; длинные пальцы жили отдельно и беспокойно; он то взбивал ими свои светящиеся кудри, то барабанил по груди, атлетический рельеф которой отчетливо проступал сквозь мягкую ткань домашней ковбойки, то быстро перебирал ими в воздухе, как это делают пианисты перед тем, как нанести начальный удар по клавишам; крупный нос с четко вырезанными обширными ноздрями втянул мой запах, он ему понравился. Он обронил: от вас пахнет свежестью. И в этом для меня не содержалось новости. Я вошла в лета, когда внезапно отказалась от раздражающих, влекущих, манящих духов, с косметикой было покончено раньше, место осталось шампуням и мылу. С падением железного занавеса и возможностью поездок в СССР обычных иностранцев моя американская подруга, университетский профессор, перво-наперво навезла шампуней, этого добра на моей родине почти не водилось. Я подарила ей сохранившуюся от мамы *Красную Москву* – хладнокровно уворовавший у французов парфюм *Коти*. Разбежавшись, русским подругам раздарила *Шанель № 5* и *Клима* и оказалась

наедине с собой без отдушек. Плацдарм чистоты магнитил. Вот вы какой, протянула я. А какая вы, я знаю, парировал он, из телевизора. Я отметила, что он и тут был наособицу, не делал вид, что как культурный человек телевизор не смотрят, ибо дешевка. Нет, сощурился он, газеты читаю и телевизор смотрю, чтобы быть в курсе. Я не стала спрашивать, как ему моя программа, а он не стал лукавить, и таким образом мы оба избежали двусмысленности.

Он провел меня из прихожей в комнату, предложил чаю, и пока хозяйничал на кухне, я осмотрелась. Копия копий московского госстроя и дальнейшего частного обитания, так и не выбравшегося из-под копирки, не в силу бедности – хозяин не мог быть беден, не в силу скудости воображения – хозяин не мог быть скуден воображением, стало быть, в силу равнодушия к предмету. Комната содержала одно обыкновенное окно, один обыкновенный стол под лампой, одну обыкновенную тахту под торшером, два обыкновенных шкафа с книгами, три открытых полки с альбомами и некоторое количество вышитых салфеток, на которых стояли цветные глиняные игрушки. К такому обезличенному быту я не была готова. Я навещала коллег моего героя и прежде. Среди них были близкие мне люди. Их дома и мастерские выглядели иначе. Богатые, бедные – неважно. У обольстительной Таси Озаренко – старые резные буфеты с хрусталем внутри, трельяжи, пуфики, оттоманки, лампы с наброшенными на них узорчатыми шальями, что в квартире, что в двухэтажной

мастерской, только там, к тому же, натянутые на рамы холсты, записанные и пустые. У Геры Оста – звериные шкуры на полу, длинный деревянный стол посередке, наподобие трактирного, на нем вычурные пивные кружки, собственные картины по стенам и закуток, где он спал, укрывшись опять же шкурой, как древний викинг, наш светский очкарик, то тощий, то толстый в зависимости от времен года и флоры большого кишечника. У Жоры Осаговского, любителя Востока и анахорета, нищая мансарда выступала в облике роскошного жилища сказочных королей – за счет разукрашенных волшебными колечками, теми же, что на полотнах, стен и потолков повсюду: от крохотных комнатусек до крохотных же кухни и ванной. О, как я любила, сидя у него в уборной, разглядывать эти цветные ожерелья, неизменно поднимающие настроение, как бы низко оно ни пало до того. Смешно? И мне было смешно, и я готова была, как персонаж Олеши, петь в клозете у Осаговского.

Ничего похожего у нового героя не обнаруживалось. Это рисовало характер.

Василий Иванович Окоемов. Вот я и огласила имя, известное всем.

Сочетая несочетаемое, он любезен и товарищу, и господину, и патриоту, и демократу. Не зря его работы хранятся в Третьяковке, Эрмитаже и Пушкинском, ими украшены театры Большой и Малый, даже Кремль приобрел кое-что для себя – честь, какой не удостоился ни Ошилов, ни Ользунов,

ни этот, как его, Гикас Офронов, сколь бы часто ни мелькали в ящике. Он не мелькал. О нем ходили слухи, что более чем замкнут, не входит ни в какие творческие союзы, не принимает участия ни в каких публичных акциях, включая собственные выставки, интервью не раздает, журналистов не жалует – затворник из затворников. Его никто не видел. Я тоже. Картины видели все. Все знают его особенный, густой, выпуклый, почти скульптурный мазок, когда краска не ложится, а лепится, сближаясь с глиной, землей, праматериалом, и от этого возникает глухое, трагическое и торжественное ощущение первозданности. Его мазок не спутать ни с чьим другим, как будто человек работал не кистью и мастихином, а пальцем, ввинчивая и вывинчивая краску. Никто не писал так мощно, как он писал.

Тупая очередь пуль из винчестера поздней порой листопада на опушке, за которой смерть; синий рассвет над синей рекой, с черными птицами, реющими над черными кусками человеческих тел; пара чокающихся фляжек, зажатых в крепких кулаках, и ничего сверх, только эти две фляжки и две натруженные боевым смертным трудом длани, сошедшие с такой силой, что прозрачная жидкость выплеснулась и застыла над столом и миром, а какие там, за ней, лица, можно вообразить; знаменитые лужи мертвой крови, в каких отразилось скудное небо со скудными облаками; знаменитый солдат, задумавшийся над собственной оторванной ногой, держа ее в собственных руках; и еще более знамени-

тая разодранная в крике глотка юного сына полка в гимнастерке и с медальками, что и без надписи *Мы победили!!!* публикует цену катящихся по его испачканной, изможденной, взрослой рожице слез вот хоть бы в пересчете на выброшенные вверх культяпки без фаланг.

Реальность?

Более, чем реальность.

Сдвинутая реальность.

Но только принцип сдвинутой реальности и открывает нам натуру художника.

Честь и слава Кремлю, не побоявшемуся украсить свои стены, помимо парадных портретов побеждавших военачальников всех времен, такой ценой последней победы. Последней ли? Своими ушами слышала, как подтянутая шведка невнятного возраста из шведской экскурсии по Кремлю задавала по-русски негромкий вопрос невыразительному экскурсоводу: это Чечня? Это Великая Отечественная война, произвел тот напыщенный жестяной звук. Просто война, вмешалась я, возможно, бестактно в чужой разговор, да мне не впервой влезать в чужие дела. Экскурсовод глянул не то что неодобрительно, а будто сфотографировал вставленным в глаз аппаратиком. А что, если мобильником можно, почему нельзя особо задействованным глазом, когда техника давно зашла за грань фантастики. Что я должна была почувствовать? Страх, как вчера, или наплевать, как сегодня? Предпочла наплевать.

Я сказала: любезен. По отношению к Окоемову слово неверное. Даже и портреты орденов, советских и русских, чего я не коснулась, написанные им как портреты людей – уникальное художественное открытие мастера, – не предполагали любезности. Пафос – да. Не тот, о каком подростки говорят: пафосное заведение или не пафосное, имея в виду роскошное, для совсем крутых, или попроще, для нас с вами. А органический и органичный: не от слова органы с ударением на первом слоге, а от слова орган с ударением на втором, но вместе с тем и органы с ударением на первом, те, что естественны, ибо суть части живой органики, а не противоестественны, что суть спецслужбы, уф. Ах, эти неточности, оговорки и проговорки, выдающие натуру нервную и до сих пор сбивчивую. Следовало бы поуспокоиться и быть поточнее; прыгать, как козе, не по летам, мадам. Зная грех за собой, двадцать раз проверю и перепроверю и не стеснюсь поправиться. Поправить себя – поправить жизнь.

Как ошибку в тетрадке.

Правда, бывает, что поздно.

Вой санитарной машины за окном.

3

Когда только начинала, злил трафаретный вопрос: а вы откуда? Я звонила незнакомому мне писателю Георгию Ондареву, называла себя, просила его к телефону, а незнакомая мне жена Василина спрашивала: вы откуда? Я отвечала: из квартиры. Язык не отвалился бы произнести: из редакции. Стала б я звонить любому Ондареву по своей воле, а не по воле пославших мя, думала моя стеснительность, выраженная в формате высокомерия. С тех пор не любила его. Трудно любить важных. Гораздо труднее – важничающих. Не могла полюбить нагромождений слов, какие понастроил, играя в гениальность, а вылезают бетонные блоки, из которых не возникает дбма или возникает уродливый, что уж всеу поминать про сад. Единственно *Безмолвие* трогало, в красноречивой темно-коричневой коже художника Оклочко, 1962 года издания, дальнейшее громыхало безвкусно. Нисколько не рассчитывала на то, что моя фамилия кому-то что-то скажет. Честолюбия ни на грош. Либо так огромно, что из-за размеров невидимо. Зато одолевает желание: забиться в угол или стать невидимкой. Угораздило выбрать профессию, где ни Уэллса, ни угла. Один психбольной, у которого на фоне психической болезни развилось ясновидение, определил меня в ту пору: соревновательна не по силам. Что делать. Слабость или сила не от нас зависят. Природа. Говорят: каждо-

му дается по силам его. Я не принимала того устройства, при котором человек – не сам по себе, а вписанный в клетку организации, ведомства, службы. Претила какая б то ни было принадлежность к группе, партии, учреждению. Я была свободна внутри себя, я хотела быть свободной, как всякий удивившийся на свет, кто сначала плачет и томится, влюблен и любим, предает и сталкивается с предательством, отчего снова томится и плачет, а уж после приписан к учреждению. То есть больше учреждения. А они считали, что учреждение больше. Нам было не сговориться, я была тиха, у меня было свое безмолвие. Врожденная любознательность пробивалась травой сквозь асфальт, выложенный врожденной обособленностью. Красота – поляна. На ней всходил урожай цветов, не мной посеянных, не мной рощенных, но мне явленных. Впечатления описывала, хуже или лучше, не разрешая себе – по слабости ли, по чему иному, – вмешиваться. Свидетель, а не следователь.

Предстояло взойти полтыще лун, чтобы – вопреки или благодаря – заняться, чем занялась: дознаванием, кем в действительности был конкретный человек, а значит, как раз поиском, куда, в какие ячейки занесен, был, состоял, участвовал или не участвовал и не состоял, а следовательно, добычей конкретных телефонов и адресов, а следовательно, расспросами конкретных знающих людей, а следовательно, звонками в конкретные конторы, чтобы полезли на пыльные полки, развязали папки с хрупкими серыми листочками бу-

маги, на которых стояли выцветшие чернильные печати, за-
скорузлым либо дряблым пальчиком перетрогали-перещу-
пали порученную ветошь, чтобы в итоге сообщить, что не
найдено, или иначе, ответ есть, но он отрицательный, и но-
выми звонками и письмами, а лучше – просьбами к другим,
чтобы другие занимались звонками и письмами, потому что,
если честно, я не хотела заниматься тем, чем пришлось, а
хотела сложить все в долгий ящик, чтобы отставить и поза-
быть.

Что мне Гекуба, прошу прощенья.

Отставить и позабыть не получилось – волей обстоя-
тельств, складывающих судьбу. Не исключено и обратное,
что судьба подбирает обстоятельства. Возникли двое, он и
она, немолодые, хрупкие от прожитых лет и разлетевшихся
иллюзий, доверившиеся и доверившие мне – так вышло – не
свои секреты, а их размазали, смешали с грязью, унизили.
Ну да, заодно со мной. Жалость к ним потащила туда, куда
потащила. И делая перед собой вид, что живу иными инте-
ресами, взмывая в метафизическое небо, или, напротив, по-
гружаясь в глубь метафизических вод, а об этой – чужой –
истории запрещая себе думать и, с глупым постоянством, ду-
мая, физически боля сердцем и задыхаясь при одной, ноч-
ной или дневной, мысли о ней – чужой! – я, почти втайне
от себя – слышали такое? – с маниакальным упорством про-
должала совать свой нос не в свои дела, косящие под свои,
потому что знала, что никуда не уйти от полуразрушенных

бумаг, где хозяйничают *был, состоял, участвовал*, либо *не был и не состоял*. Чтобы что? Заплакать над победой? Или посмеяться над поражением? Что хотела получить от соединения добытого результата с тем, как плакал и томился, любил и был влюблен человек, как предавал и сталкивался с предательством, добивался успеха и терпел поражение, потому что в этом своем возрасте узнала, а точнее, полагала, что узнала, как все связано-перевязано, свито-перевито и перетекает не только изнутри вовне, но и извне вовнутрь, составляя целокупное любой уникальной жизни, или то был мой самообман, и надо было сразу замкнуться, заткнуться, оставить путь как ложный? Нет у меня ответа. Киньте в меня камень за измену себе, за вхождение в несчастный кругооборот, когда, преступив молодые идеалы нежного нашего деликатного меньшинства, я обратилась – повело! – к канцелярской практике заскорузлого вашего грубого большинства. Я приму ваш удар.

Mea culpa.

Я и есть орудие судьбы.

Или я выбрала себе очередного Вергилия.

Всегда выбирала себе Вергилиев сама. Доморощенных ли, масштабных, не суть. Исправно спускалась в ад и выгребала из адской кучи по случаю, ведомая якобы.

Может, то была битва между личностью и социумом. Выигрыш социума обеспечивал проигрыш личности.

Фантазийная девочка, говорила про меня моя мать.

4

Санек Оприянов, по прозвищу Опер, посоветовал: сядь и напиши про это роман.

Вот сволочь. Он уже посоветовал, чтобы я написала *Марину*. Я написала. И что? *Успеха не имела не моя пьеса, а моя личность*. Чехов. Возможно, господин Случай прихотливо использовал Саню Опера в своем промысле, как он использует в промысле всех нас.

Окоемов проник в комнату под законный вой авто неожиданно тихо, как кошка на мягких лапах. Я обернулась, он был тут как тут, в черной безрукавке, отороченной кошачьим, но, может, и собачьим мехом, она скрадывала узкогрудость, узкоплечность, сутулость, с неуместным в корявых, жилистых, тяжелых, как отбойный молот, руках изящным подносом, на подносе тонкие чашки с блюдцами и чайными ложками, сахарница и корзиночка с пряниками – все. Похоже, собственные руки позировали ему для знаменитой картины. Что ж так долго готовил? Нелепая мысль, что наблюдал за мной через какое-нибудь потайное отверстие – помогала головой, избавляясь от нее. Я была не голодна, сахара я не ем, пряника к свежесваренному чаю было довольно. Приступайте к рассказу, сударыня, он вперил в меня черные, как уголья, глаза. К какому рассказу, сделала вид, что смутилась, я, вы приступайте, я что. У меня чуть не слетело с губ: я никто, вы всё. Слава Богу, не слетело. Задавайте вопросы, разрешил он, но вперед я задам: как вы, что вы, замужем, не замужем, есть ли потомство, много ли дружеств, радостный вы человек или удрученный, вы говорите, а я буду сверять. С чем сверять, недоуменно спросила я, пораженная простотой, естественностью и правильностью вопросов, как если бы у него была моя, а не его профессия и это он пригла-

сил меня на интервью, а не я пришла к нему. Черные уголья жгли, иссиня-красный рот под жесткой щеткой усов не растягивался даже и в подобие улыбки, он был суров, как учитель, принимающий экзамен у ученика. Суровость подчеркивала стрижка горшком, делавшая его схожим со средневековым монахом-иезуитом. Можно было предположить, что он красится, настолько черен горшок, если б не проблески серебра кое-где в общей массе черни. С чем сверять, да с первым впечатлением, отозвался он, и я опять не могла не отметить простой и естественной логики его речей. Вздохнув, принялась за отчет. И лишь когда перечень пунктов подходил к концу, сообразила, что не стоило делать этого столь истово, а лучше бы попробовать легким лукавством смягчить его суровость, поиграв в чересполосицу искренности и умолчаний. Он, однако, неожиданно смягчился сам, оценив: все сходится, кроме одного, – при этих словах широкие скулы его приподнялись вверх, глаза превратились в узкие щели, сидевший картофелиной на рыхлой физиономии нос с несимметрично вырезанными ноздрями сморщился в переносице, обнажились крепкие лошадиные зубы и сумрачное выражение враз сменилось таким заразительно смешливым, что я невольно расхохоталась. Я собиралась спросить, а что не сходится, – он опередил меня. Видите, погрозил он пальцем, а говорите, печальная, а я пока веселого не сказал, я скажу, я обязательно скажу, хотя бы затем, чтобы заставить вас развеселиться, вам это идет. Это всем идет, распу-

стила я язык, человек бывает удручен наедине с собой, но настроение запросто может перемениться, если у него такой собеседник. Какой, резко остановил он меня. Такой, сделала я неопределенный жест. Неопределенность бывает выразительнее определенности.

Я была с ним весела, он со мной – откровенен.

Отчего-то мимо прошло, что все было ровно наоборот.

6

Вы приняли перестройку, сударыня, и все, что последовало за ней, безапелляционно пробросил он, приняли, приняли, расслабьтесь. Тема таила опасность: любое продолжение угрожало мгновенно развести по углам, как боксеров на ринге, и что произойдет, Бог весть. Нетрудно догадаться, что он, со своей военной или полувоенной четкостью речи, сдобренной непривычной *сударыней*, принадлежал к жестким натурам: не идя на житейские компромиссы, они принимают решение о дальнейшем курсе тотчас и железно следуют им. Можете назвать эту черту принципиальной или вздорной – едва установившаяся связь рвется, и попробуй соедини оголенные концы. Там, где я вращалась – как будто я волчок какой-то! – не принято было устраивать политических экзаменов. Во-первых, давно известно, кто есть кто. Во-вторых, с неприятными тебе людьми ты не контактировал, они контактировали между собой, исключая тебя. В-третьих, острота выбора давно миновала, накал страстей в обществе понизился. Мы все вышли из одной сталинской шинели, и те, кто чувствовал себя в ней удобно, и те, кого наждаком, до ран, царапали ее грубые швы. Когда история предоставила иные модели, иные покрои, ткани и расцветки, обитатели страны быстро разделились надвое: на тех, кто хотел, чтобы походило на привычный фасон во что бы то ни стало, и на тех, кто во что бы то

ни стало – не походило. Посередине баррикада. Побились, побились, пустили кровь, к счастью, небольшую, и со вкусом ушли в повседневность, похлопывая себя по карманам, что там, оставив баррикаду бесхозной. Но когда мы выясняли, кто на какой стороне, Окомова с нами не было. Он никогда не высказывался – так, чтобы дошло до общественности. Уединенность, отдельность и общая сумрачность подразумевали выставленные шипы. Каждый ли раз при личной встрече обозначал позиции, практически от Адама, понятия не имела. Он вел партию. Он определял правила игры. Я должна была приспособиться. Очередной привет от Вергилия.

Я тоже, произнес он сурово. Упустив нить разговора, не поняла, о чем речь. Схватчивый, как бес, он прояснил: я говорю, что тоже принял перестройку, а вот всё, что за нею последовало, нет, в отличие от вас. Кто ему донес, приняла я или не приняла, вел он на меня досье, что ли. Из осторожности отреагировала сложной улыбкой, в которой содержалось и то, и это – мещанский способ промолчать во имя компромисса.

О, компромисс. Стоит с места в карьер пропеть тебе что-то типа осанны. Ты бутон цветка, который распустится, хотя вскорости и увянет. Ты порыв ветра, который нанесет пыль, но и разнесет ее. Ты масло, которым каши не испортишь, хотя она заварена и не по твоим рецептам. Ты неуверенность в победе. Ты трусость. Ты неспособность к настоящей борьбе. Ты проявление бессилия. Ты соглашательство. Ты желание

спокойствия любой ценой. Ты уступка своего в пользу другого. Ты движение на поводку у другого, на поводке у другого. Ты защита своей шкуры. А стало быть, шкурничество. Ты невозможность героизма, елки, кто в этой ситуации говорит о героизме.

И это осанна, засомневается диалектик, не утруждающий себя вторым шагом, а довольствующийся первым. Да, осанна. Почему? Потому что борьба, героизм и победа – составляющие драки. А драка – практика почти всегда безмозглая, несмотря на то, что сопровождается теорией, военной, скажем. Все, что этому противостоит, – работа мозга. Поиск мирного выхода из любого сложного положения. Способность услышать. Договороспособность. Напряжение интеллекта, что всякий раз предпочтительнее напряжения мускулов. Мы носим на себе многопудовые вериги доисторического, да пусть и исторического прошлого, когда мерялись не умом, а физической силой. Но соревнование умов дает жизнь, а соревнование физических сил – смерть. Господи, да ведь понятно, куда ведет вектор развития человечества: разум, разум и разум, иначе пропасть невежества, демонстрации разгульной силы и всеобщая погибель.

Подлить вам чайку, спросил как приказал Окоемов. Подлить, наклонила я голову и спросила, что конкретно не нравится ему в том, что последовало вслед за перестройкой и гласностью. Надо отдать должное моей храбрости. Я погружалась туда, откуда рисковала не выбраться.

Я расскажу вам эпизод из жизни, объявил он и помолчал.

Я расскажу вам эпизод из моей жизни, потерябил он щетку усов, напоминавшую сапожную.

Я расскажу вам эпизод из моей жизни, а вы сделаете нужные выводы.

Он умел нагнетать напряжение.

Я приготовилась.

Был вечер зимы, сказал он. Не той, к какой привыкли поколения русских людей. А новой для наших мест. Назовите ее, если желаете, европейской. Я назову преапокалиптической. Потому что, перед тем как устроить Апокалипсис, чтобы наказать человечество за чрезмерную греховность, Господь лишает человека ума. Об этом много говорено. Не говорено о механике. Я скажу. Механика в том, чтобы лишить человека как зверя привычной среды обитания. Будь то миграция в гигантских масштабах, климатические или просто погодные изменения. Вы можете спросить, к слову, верю ли я в Господа. Нет. Не верю. И не будем об этом. Запомните: как зверя.

Шел косой дождь, переходящий в снег. Я возвращался со службы. Вы хмыкнули: какой, если не служите. Не хотел, не хочу и не буду служить этому государству. Из одной этой фразы вы можете заключить, какое удовлетворение

доставил мне его слом. Но я служил, служу и буду служить этой стране. Работая в мастерской, прежде всего. Это мое служение. Надеюсь, понятно. Если мы с вами посильнее задружимся, я свожу вас туда. Если нет – нет. Два слова о процессе. В моей мастерской множество полок. По полкам расставлены, внимание, маленькие Караваджо, Тицианы, Рембрандты, Энгры, Матиссы, Ван Гоги, Серовы, Репины, Куинджи, Машковы, Бродские. В ваших заблестевших глазках любопытство. Откуда, не краденое ли. Не краденое. Этим занялся, придя с войны. Перекопировав все, от чего хватывало дух. Я и теперь нередко прибегаю к тому же. Надеваю парик. Цепляю на нос очки. С моим стопроцентным зрением, заметьте. Иду к Цветаеву. Или к Третьякову. Все там известно мне наизусть. Но вот что-то одно зацепило наново. Как багром лодку. Точный сигнал. Значит, сегодня мне необходимо это. Я прошу разрешения. Ко мне снисходительны. Не ко мне. К чудаку-копировщику. Опять в вас загорелось любопытство. Зачем парик и очки, если меня и так не знают. Не знает толпа. Кому надо, знают. И всё, что надо, фиксируют. Хотели бы зафиксировать. Я не даюсь. Наука жизни: не даваться. Вы ею не владеете. Даю голову на отсечение, вас используют те, кому не лень. При вашей афишируемой порядочности, вы давалка. Возможно, честная. Подавляющая масса бесчестных. Не обижайтесь. Это не грубость, констатация факта.

Он говорил отрывисто и резко, и словно задыхаясь.

Слушать его было тяжело.

В своей мастерской я так же внимательно вглядываюсь во что-то одно, что мне нынче нужно. Дураки скажут, что я подзаряжаюсь. Вслед за псевдоучеными все болтают об энергиях. Близко к истине. Но не истина. Истина в том, что тут – эманация чистого духа. Чистый дух – источник энергии. Дух произведения, дух автора сохраняется даже в копии, если сделана с тщанием и проникновением. Да еще приумножен духом кописта. Если приумножен, а не преуменьшен. Безусловно, на поверхности чистая техника. Какая с какой краской соседствует и так далее, весь букварь. Пока не пронзает то, что за техникой. В таком разгоряченном, приутоленном состоянии я берусь за свое. Не идет. Всегда не идет. Всегда через преодоление. Доходит до того, что я в гневе швыряю палитру на пол. Иду пить воду. Я пью много воды. Литрами. И каждый раз, возвращаясь к холсту, наношу ему резкий удар кистью. Я должен одолеть равнодушие холста. Его бесчувственное сопротивление. Я должен заставить его сдаться. Во имя нашей общей с ним победы. Бывает, я в отчаянии режу его ножом. На куски. Как безумец, что резал Репина. Но тот варвар, потому что уничтожал чужое. Я нет, потому что свое. Потом жалею. Я скупой. Мне жалко потраченных на холст денег. Но настает миг, когда мое упорство ломит его упорство. Я ловлю этот миг. И тогда свершается. И начинается настоящая работа. Медленно и свирепо, яростно и бережно я ма-

жу и мажу, мазок за мазком, минутами или часами, пока не чувствую, что достиг результата. Ежели достиг – я покидаю мастерскую и выхожу на улицу пьяный. Моей сутулости как не бывало. Я прям и всесилен. Я велик и торжествую. Я заглатываю мокрую пыль, как пузырьки шампанского. Моя радость избыточна. Я могу внезапно расхотаться от счастья. Я избегаю людей в таком состоянии. Они не поймут. Люди мало что понимают. Краем глаза замечаю наблюдателя. Я знаю этих наблюдателей. Делаю вид, что споткнулся. Или что мне нехорошо. А сам в это время ловко ставлю ему подножку. Он летит со всех ног в грязный снег, пачкая брюки, перчатки и шляпу. Не переставая хохотать, я исчезаю. Вам не смешно? Ну что вы, это очень смешно. А я обещал вас насмешить. Но если я выхожу из мастерской, не победив, а потерпев поражение, я иду, незаметный, сгорбленный, ничтожный из ничтожных. Чья-то дорожка пересекается с моей. Меня нет. Я не смею поднять глаз. И в этот момент вы можете поставить перед собой любую задачу, в отношении меня, и выиграть. А я проиграю. Я боюсь этих состояний. Да они и редки, строго говоря. Потому что по натуре я победитель.

Он умолк и поник, не как победитель, а как пораженец. Я боялась прервать его молчание.

Вскоре полуприкрытые глаза-уголья распахнулись, в них загорелся прежний темный огонь. С этого мгновенья речь его полилась завораживающе плавно, с нарастанием темпа,

лишь изредка вступали короткие предложения, что подчеркивало общий музыкальный ритм.

Снегодождь того ноябрьского вечера буквально за минуту превратил мое суконное пальто в мокрую тряпку, но шампанское бродило в крови, потому что после долгих безуспешных попыток я схватил, наконец, жар-птицу за хвост, и у меня в руке оставалось несколько не жалких, а жарких огнедышащих перьев, в которые превратилась моя рабочая кисть. Они вышли прямо из дождя, ни на ком из них не было ни шляп, ни перчаток, а были сплошь кожаны с выставленными фитой крепкими локтями и спрятанными в карманы пудовыми кулаками. Вес их выяснится скоро. Я не успел предупредить вас, сударыня, что много лет делаю записи, я хожу с портфелем, в котором таскаю большие тетради, в них я заношу все, что узнаю за день о событиях, от сплетен, передаваемых мне женой или кем-то, до новостей, передаваемых по радио и телевизору. Факт и мое резюме. Факт и резюме. Графики и линии. Силовые линии. Из прошлого в настоящее. Из настоящего в будущее. Заглавие – Mea culpa. Перевода, надеюсь, не требуется. Исписанные тетради я держу в специальном месте в мастерской, та, какую заполняю, всегда при мне, когда-нибудь они взорвут мир, за ними много охотников, несмотря на полную секретность моего занятия, понятно, что могут значить для заинтересованных лиц записки независимого соглядатая. Помните это: независимый соглядатай. Я жил в соседнем

доме, там же, в подвале, моя мастерская, я ходил на свою службу, не покидая подъезда, жене предложили обмен, в квартире, где мы с вами находимся, кто-то с кем-то разошелся, стали нуждаться в деньгах, за излишки платить не смогли или не захотели, жена воспользовалась, раньше нам было тесно, благо, что по будням она в больнице, заплатили деньги и переехали, а мастерская осталась. Двести шагов. Пять минут прогулочным шагом по воздуху. На второй минуте они вынырнули из-за угла. Трое. Первый использовал мой прием, подставив подножку, следующий схватился за портфель и стал выдирать его из рук, таким образом удержав меня на месте и не дав упасть, третий зыркал по сторонам, стоя на стреме. Я боднул башкой в подбородок ближайшего, а башка у меня чугунная, выхватил портфель из лап его дружка и ногами, пардон, по яйцам, одному и другому. Они были как звери, напавшие на жертву, которая оказалась им беззащитной, а оказалась кусачей. Неожиданность укусов обратила их в бегство. Не остыв от боя, бегу в сторону дома, и внезапно, как из-под земли, вырастает мент, с ним один из нападавших, это он, спрашивает мент, твоя сумка, и указывает на мой портфель. Тот ки-

вает с видом оскорбленной добродетели. Мент требует: а ну, папаша, давай сюда сумку. Какого рожсна, допустим, так я выразился, пряча портфель за спину. Такого, говорит мент, что пострадавший указал на вас как на отнявшего у него вещь, желаете на месте разобраться или в отделении,

так и так вещдок забираю, ваше – принесем извинения, нет – добровольная сдача полезнее. Не успеваешь он кончить, как я молнией в сторону – и ушел. Подъезд, лифт, шестой этаж, квартира. Задыхаюсь. Не мальчик. Поврежденный. В крови. Но живой. И с портфелем. Сорок лет зарядка по утрам, ни дня пропуска, ровно час качаю мускулы, тренирую сердечную мышцу. Жена Василиса дает успокоительного, промывает ранки и ссадины спиртом, накладывает бинты, она у меня врач, прокурорская дочь. Улавливаете? Я спрашиваю, уловили вы, что произошло? Государство, в каком мы с вами живем, сомкнуло ряды, бандитские и правоохранительные, подлым образом объединив их для достижения целей, своих корыстных и порученных. Порученная цель – мой портфель, за которым они охотятся не первый год, жена Василиса не раз просила, чтобы я оставил это занятие, женщина, что с нее возьмешь, как будто я могу его оставить. Я не любил Советский Союз, но в Советском Союзе, которого я не любил, был порядок, а в новой демократической России, которую мне предлагают полюбить, беспредел, звучит примитивно, у любой тетки на улице тот же резон, но кто сказал, что мнением тетки можно пренебречь, и не стоит мне морочить голову сложными умопостроениями, а лучше ответить именно на примитивный вопрос: порядок или беспредел – что вы лично предпочитаете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.